

Мила Миллер

Кружева

рассказы

Мила Миллер

Кружева. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41259735

ISBN 9785449639998

Аннотация

«И это опять случилось, и так будет всегда – жизнь и радость победят, однажды ты проснешься и ощутишь себя в ладонях у Бога. И всё для тебя уже есть в этом мире – бери, пользуйся. Живи!» Светлые и трогательные рассказы о жизни – как глоток счастья. Прочитать, улыбнуться, поплакать, задуматься. Вспомнить о себе. Внимательно посмотреть на тех, кто рядом. Рассказы вселяют надежду на обязательное счастье. Они почти документальные – жизнь плетет такие кружева сюжетов, которые сложно придумать писателю.

Содержание

КРУЖЕВА	5
ФАННИ	7
КАЛАНХОЭ	10
ИВАН	15
БАБА ДУСЯ	21
ВЕСНА	27
ДЮЙМОВОЧКА	30
СЕРЬГИ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Кружева Рассказы

Мила Миллер

© Мила Миллер, 2019

ISBN 978-5-4496-3999-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КРУЖЕВА

В прекрасном, просторном доме без стен и потолка ярко горит огромный камин Времени. Пламя весело потрескивает и излучает сухое тепло. Оно не гаснет никогда. День сменяет ночь, зима – лето. И это пламя – единственно-неизменная вещь во Вселенной. От этого и грустно, и радостно одновременно...

Возле камина, в удобном плетеном кресле сидит Жизнь и вяжет кружева. На ней длинная юбка из струящихся морей, лесов и расцветающих маков. Золотые спицы в руках мелодично вздрагивают и вспыхивают искрами в свете пламени. Возле кресла стоит плетеная корзина с нитками на любой вкус.

Жизнь умело вяжет кружева людских судеб, ни разу не повторяясь. Выбирая нитки разной толщины, качества и цвета. Узоры из-под спиц выходят необыкновенной сложности и красоты. Ни одна человеческая фантазия не способна сотворить такой причудливый узор. Иногда узор придуман Жизнью заранее, иногда она меняет его, отходя от начальной задумки. Иногда человек сам меняет узор, спустив петлю или совсем порвав кружево...

Бытовые рассказы о любви, о счастье, о людях, живущих

рядом – но как затейливы и уникальны их судьбы. Как тонко и неизбежно через кружево каждой судьбы на нас смотрит Вечность....

ФАННИ

Ее звали нежным французским именем Фанни. Каждую субботу она приходила на обед к племяннику и его семье. Снимала в коридоре крошечные ботики, вынимала из манжеты кружевной батистовый платочек, на минуту обнажая уродливо распухшую косточку на тонком старческом запястье, промокала сухой нос с аристократической горбинкой и проходила на кухню. Там отдавала неизменный пирог «Мечта» и шла долго и тщательно мыть руки. За собой оставляла нить запаха сухих листьев, пропитанных солнцем – любимые духи из старых запасов. Она вообще напоминала осеннюю листву – легкую, шуршащую, волнующуюся от любого ветерка.

Она была одинока – без детей, без мужа, существовавшего в ее жизни очень рано и недолго. Всю ее семью составляла жена давно умершего младшего брата, племянник, его жена и дети. Дети ее слегка пугали, она не очень умела с ними разговаривать, да и не видела в этом смысла. Они подтрунивали над ней и насмешливо называли «тётяшка». Фанни приходила ради общения с женой брата. Они обе были большие интеллектуалки, запоем читавшие французские и немецкие романы в подлиннике, имевшие одинаковый вкус в литературе, политике и в составлении своего мнения. Обе тонко и со вкусом подшучивали над общими знакомыми. Фанни

рассказывала какие-то невероятные для Советского Союза истории про французскую Оперу, про Париж, про необыкновенные наряды. Иногда брала с собой несколько тяжелых альбомов в бархатном переплете с пряжками, пахнущих духами и полные тонких дам в огромных шляпах и роскошных платьях, кокетливо позирующих рядом с игральными столиками и белогрудых, напозаженных господ во фраках.

Потом жена брата умерла, а маленькая, неизменная Фанни, которая была старше всех, понемногу начала сдавать. Племянник посоветовался с женой и перевез ее к себе. Она тихонько жила в своей комнате, по давно заведенному расписанию. Перед обедом обязательно обжигала хлеб над газовой конфоркой, чтобы убить микробы, суповую ложку держала в своей комнате под кружевной салфеткой, а в ящике стола долго берегла хороший бельгийский шоколад, отламывая изредка крошечные кусочки. Тихо жила, тихо, понемногу уходила...

Перед смертью слегла и перестала узнавать окружающих. Проживала какую-то свою жизнь, медленно протягивая тонкую руку к потолку и слегка улыбаясь краями губ кому-то хорошо знакомому, видимому только ей... Умерла легко, во сне. Просто не проснулась.

Такой хрупкий, душистый осенний листок, случайно залетевший из прошлой жизни.....

Она не любила рассказывать о себе, сверстники давно умерли и всем казалось, что она всегда была маленькой, аккуратной старушкой, с батистовым платочком в манжете.

Только родные знали, что она была блестящим хирургом, прошла две войны – Финскую и Отечественную. Что проявляла чудеса героизма, вытаскивая на себе раненых прямо под обстрелом. Что самые безнадежные случаи – это ее работа. Что награды не помещаются на одной стороне жакета. Генерал, которому она спасла ноги от ампутации, искал ее по всему Союзу, чтобы на коленях сделать ей предложение. А она отказалась, потому что ее сердце принадлежало многим людям и своей профессии...

Как причудливо жизнь тасует людей в своей колоде. Как часто мы не знаем, с кем рядом находимся. И как нежные, тепличные цветы своими хрупкими корнями держат эту огромную, тяжелую Землю.

КАЛАНХОЭ

Вообще-то он был обычным цветком – домашним растением. В пузатом глиняном горшке солидного шоколадного цвета. Шоколадный вообще прекрасно сочетается с сочной зеленью. Но цветок был скорее сероватый,дохлый и с проплешинами. Поэтому образ создался тусклый, неприметный и казенный. Хотя имя было экзотическое и отдавало солнцем, острым перцем, гитарой в южной ночи – Каланхоэ.

Он стоял на широком подоконнике в НИИ, рядом с такими же чахлыми собратями. Более симпатичные соплеменники украшали пыльной зеленью зимний сад, а на этом окне был лазарет для хронических больных, для которых исход лечения не известен. Ему нравилось здесь стоять, он даже привык к табачному дыму и иногда пеплу в своем горшке – зато курильщики открывали форточку и свежий ветер с улицы блуждал по подоконнику. А сколько историй рассказывалось в курилке! Растения ведь всегда питаются эмоциями. Поэтому все обитатели подоконника жили, несмотря на грустные прогнозы уборщицы Тани, которая за них отвечала. Жаль, что эмоции курильщиков были короткими и не сильными. Они обсуждали институтские сплетни, капризы домочадцев, новости из жизни знакомых. И никогда – те сильные и искренние чувства, которые заставляют плакать, роняя слезы на тугие листья и питая растения мощным

эликсиром эмоций.

Каланхоэ принесла сюда Вера, старший научный сотрудник, как не оправдавшее ее ожидания. Вера нашла его на балконе съемной квартиры, уже засохшее и забытое предыдущими жильцами. Она сняла эту квартиру с новым мужем и, полная надежд, загадала для себя, что этот цветок если выживет – то в семейной жизни всё будет прекрасно. Цветок выжил, переехал в новый горшок и в новый дом. Вера родила сына и через пять лет с большим скандалом развелась. Поскольку цветок упрямо тянул к окну блестящие, плотной кожи ладошки, Вера решила, что он – вестник ее собственного, отдельного от бывшего мужа счастья и продолжала поливать и пересаживать. Тем более, что листья оказались прекрасным лекарством почти от всех болячек. Цветок соглашался расти только в первоначальном виде, все отсаженные детки неминуемо гибли. И никогда не цвёл. Вера упорно пыталась построить свою личную жизнь, но уже не привязывала свои надежды к цветку. Каланхоэ мог вздохнуть спокойно и не прогибаться под грузом энергии такой ответственности.

После очередных отношений, которые не сложились, Вера плакала у окна, роняя редкие соленые капли в горшок. Очистившись слезами, она решила начать новую жизнь и следующим утром унесла цветок на работу – чтобы он не являлся живым напоминанием прошлого. Так он попал в компа-

нию таких же отщепенцев, не знающих, что такое заваленный всякой мелочью уютный подоконник в кухне и вечерний семейный ужин в теплой компании...

Каланхоэ несколько месяцев назад решил умереть. Он только ждал весну, чтобы вдохнуть еще раз теплый воздух, послушать птичек за окном и впитать лучи горячего солнца. Он много думал, вспоминал свою ничемную жизнь за эти годы и понял, что очень устал. Что не нужен и никто даже не заметит его отсутствия. А, главное, что он не интересен сам себе. И что ни разу – ни разу! он не цвёл. И начал понемногу приводить свой план в исполнение. Он стал выталкивать воду, которой его поливали. Стал желтеть и чахнуть. Добрая, но совершенно бестолковая в садоводстве Таня, пытаясь разрыхлить землю в горшке пластмассовой одноразовой вилкой, больно порезала корни Цветка. Что только добавило его мрачного настроения. Умереть. И поскорее. И он стал истончаться стволом и сбрасывать обезвоженные, посеребрившие ладошки листьев в горшок. Цветок всё чаще задумывался и засыпал, постепенно переходя в другую, призрачную действительность. Ему снились диковинные огромные растения, на берегу разноцветной реки, снились жаркие южные ночи, гитара в умелых, загорелых пальцах... Он все чаще раздражался, когда его беспокоили – двигали, трогали руками. Он перестал впитывать эмоции, потому что его собственные сны были гораздо ярче и экспрессивнее...

Каланхоэ почти закончил свой путь в мир счастливых цветов, когда однажды ему пришлось резко очнуться от своего забытья. Частые, густые соленые капли настойчиво падали на листья, на землю в горшке, пропитывая солью корни. Безутешное горе своей силой эмоций вытащило каланхоэ из сна. Это Вера! Опершись руками в подоконник, опустив лицо к цветку, она горько плакала. Такое уже было в их жизни... Он не успел даже осознать происходящее, как к Вере быстро подошел Толик из соседнего отдела.

– Прости, прости меня, Верочка! Ты неверно поняла! Я люблю тебя, я хочу быть с тобой всегда, всю жизнь! Я молчал, потому что...дурак, потому что. Не верил, что нужен тебе.

Как удивительно быстро меняются эмоции в душе человека – как разноцветный песок, смешиваясь течет из одной ладони в другую. Как сменяются цвета радуги, искрами вспыхивая в кристалле. Только что безутешное горе – и вот радость. Счастье, искрясь и переливаясь заполняет всё пространство души.

Опять слезы... Но нет горечи, нет этой густой соли. Чистые, почти без вкуса, они капают горошинами, растворяя все предыдущие невзгоды. Питая счастьем всё вокруг. И это счастье заставляет расправлять листья и наливаться соком всех обитателей подоконника.

Каланхоэ так пронизан всем вокруг происходящим, что

вдруг принимает для себя самое важное в своей жизни и окончательное решение: а вот буду жить! Буду! Буду расти и радовать. Лечить и очищать вокруг воздух. Деток буду щедро раздавать. И – знаете что? – я расцвету! Обязательно, густо и ярко! Одарю праздником жизни всех окружающих!Интересно, какого цвета мои цветы?...

ИВАН

Иван устал. Так устал, что перестал радоваться своим мечтам. Новое спортивное авто, напоминающее хищную серебристую ракету, не вызывало никаких эмоций – ни радости, ни удивления. Хотя Иван мечтал именно об этой машине, представлял себя в ней и думал, как хороша будет Кристи в этом неземном аппарате.

Он проснулся давно, но не мог заставить себя встать. Ему снился кошмар, как будто он – водитель такси, живущий в спальном районе с обычной, ничем не примечательной женщиной. Привычно покалывало под сердцем и не было сил, как будто всю ночь разгружал мешки с картошкой – как когда-то, в студенческой юности. Ныла спина – дал чрезмерную нагрузку в своем спортклубе. Когда-то очень хотел попасть в тренажерный зал, где дают полотенце и номерок от шкафчика – а теперь целый элитный спортклуб принадлежит ему. Он и с Кристи там познакомился. Роскошная девочка, избалованная и сошедшая с картинки глянцевого журнала так гармонично вписалась в его нарядную и вкусную жизнь. Именно такая женщина должна быть рядом с еще не старым, успешным и амбициозным совладельцем мебельного концерна и владельцем спортклуба для успешных людей. Она обустроила их совместную жизнь по своему вкусу, придав ей лоск и шик роскоши, который Ивану был недоступен.

пен, в силу его обычного происхождения из семьи мелких служащих.

Повернулся на другой бок и увидел на тумбочке ежеутренний стакан апельсинового фреша и таблетки на блюдце. Месяц назад к обязательным витаминам прибавилась ежедневная таблетка, снимающая боли разного происхождения. Болело что-то постоянно – то голова, то мышцы, то сердце... Месяц назад у Ивана начались очень крупные неприятности, грозящие потерей такого долгожданного и такого доставшегося «кровью и потом» благополучия. В фирму пришли конкуренты и ему хорошо знакомы их методы работы – когда-то он сам был таким. Только в то время он был молодым, голодным и полным сил. Мог спать, где угодно и есть, что угодно. А сейчас – уставшим, привыкшим к комфорту и услужливости подчиненных, подточившим свое здоровье «сладкой жизнью».

Иван сделал большой глоток и поморщился – у него были спазмы от такой порции витаминов на голодный желудок. Очень хорошо, что у Кристи своя отдельная спальня – она сказала, что так живут короли – и можно не притворяться. Надо собрать себя «в кучу», вылить сок в раковину и принять душ. И ванная тоже своя, можно идти в трусах, шаркать ногами и зевать во весь рот. При Кристи он старался всегда выглядеть как мачо и это, честно говоря, очень утомляло. Особенно в последнее время, когда постоянные пробле-

мы затмевали всё остальное. Таблетка и душ сделали своё дело, стало легче. Хотя под сердцем колоть не перестало. Завернувшись в скользкий, шелковый халат, он спустился вниз на завтрак. Спускался осторожно (он хорошо знал, какой твердый и скользкий мрамор на этих блестящих ступенях), но так, чтобы этой осторожности не заметила Кристи. Он должен соответствовать ее представлениям о мачо.

Кофе в изящном кофейнике, круассан, капля джема и капля масла. Одно яйцо в серебряном стаканчике. Кристи считает, что он должен меньше есть. Она сама, похожая на экзотическую рептилию в своем этническом халате, потягивает через соломинку свой завтрак – неаппетитно-бурый смузи. Тонкая загорелая рука с длинным острым маникюром держит соломинку и Иван просто чувствует, как бурая жидкость входит в Кристи, разливается по венам и всем органам и заполняет всё пространство, давая ей энергию для жизни. Дежурно подставленная холеная щёчка, Иван привычно чмокает ее и спиной чувствует, как Кристи вытирает салфеткой место его поцелуя. Почему-то сегодня это особенно неприятно, почему-то бок болит сильнее. И Иван передумывает завтракать, сославшись на занятость.

Костюм, галстук. На фоне своих неприятностей, он чувствует, что этот постоянный галстук превратился в удавку, которая неизбежно, с каждым днем всё сильнее, затягивается на его шее. На работу нельзя ехать на новом авто – не та ситуация. Привычно садится в свой старый вольво. Только

за рулем он чувствует себя спокойно и уютно – как дома. Здесь он один и хозяин положения. Включает печку, что-то зябко. Включает музыку. Сразу успокаивается бок и выравнивается дыхание. Как мечтал он когда-то о такой жизни, только не знал, что жизнь эта полна проблем и постоянного страха за себя и своих близких. И однажды попав в эту обойму, выскочить из нее нельзя. Нет, можно – всё потерять или просто умереть – но такой выход вряд ли кого-то устраивает. Хотя сейчас он настолько близок к такому выходу, что лучше об этом не думать.

В последний месяц вошло в привычку оглядываться и бояться слежки. Вот и сейчас – подозрительно-неприметный авто выехал за ним из поселка и не отстает, держась на выбранном расстоянии. Сейчас будет развилка – дорога в город и дорога к другим домам. Свернуть к домам, проверить. Точно слежка. Можно проехать поселком и по краю озера выскочить на городскую трассу. Там дорога не очень, но на вольво проскочить можно. Надо дать скорости и оторваться.

Дальше события развиваются как отдельные кадры киноплёнки. Серая машина неожиданно резко набирает ход, догоняет вольво и с силой бьёт в зад. Вольво на пару минут теряет управление, и этого достаточно, чтобы его понесло, набирая скорость от тяжести машины. Вольво дважды кувыркается и с обрыва падает в озеро. У Ивана полное ощущение кинофильма перед глазами. Сердце становится огромным и очень колючим и лопается, заливая всё вокруг тем-

нотой. Последнее, что он видит – лоскут галстука перед глазами и презрительный изгиб губ Кристи. Он ничего не чувствует, просто закрывает глаза. И наступает черная тишина.

..... Руке холодно, там, где локоть. А ладонь затекла. Постепенно включается сознание. В открытую форточку дует и голая рука замерзла. А на ладони лежит голова и пережимает все сосуды. Иван высвобождает руку, шевелит пальцами. Осторожно трогает там, где сердце. Всё на месте, только бьётся неровно и испуганно. Знакомая узкая комната, желтый плюшевый заяц на стуле, вторая подушка рядом. Встает и выходит в коридор. Из маленькой кухни справа аппетитно тянет горячей яичницей. Отвернувшись к плите, стоит маленькая пухлая женщина в длинной футболке. В спину ей Иван говорит:

– Кать, ты прости меня. Я вчера сорвался. Движок полетел в «ласточке», пока починю – денег не будет...

Женщина поворачивается и молча утыкается носом ему в грудь:

– А сердце-то стучит, как будто убежал от кого.

– Убежал. От себя. Только от себя ведь не убежишь – я понял. И деньги счастья не приносят, когда превращаешь жизнь в погоню за ними. Я, Кать, знаю теперь, о чём мечтать нужно.

– Всё-таки давай сходим к доктору. А сейчас умывайся и завтракать, пока всё не остыло.

Иван долго моет лицо холодной водой, потом всматривается в себя в зеркале – как будто видит впервые. Трогает сердце ладонью. – И приснится же такое.... Другая жизнь... другой человек...

БАБА ДУСЯ

Двор жил своей отдельной, однажды заведенной жизнью. Как древний мир, он покоился на двух китах – разновозрастной компании детей и компании пожилых женщин – «старухах», как звали их все обитатели двора. Эти «киты» были примерно уравновешены и, каждый, по-своему, обеспечивали двору ежедневные и увлекательные события.

Дети играли во все обычные детские игры, вытаскивали во двор игрушки и конфеты. Мастерили шалаши и закапывали «секретики». А зимой дружно строили огромную ледяную горку и катались с неё на досках и кусках линолеума. Дружно ходили войной на соседний двор и лупили пойманных шпионов. И также дружно заступались за своих, битых на соседней территории. В компанию принимались дети от шести лет, а самым старшим был десятиклассник Ванька – долговязый, белобрысый парень, нежно любивший свою малышню и являвшийся тайной мечтой всех девочек компании.

Компания старух была очень разной по своему составу. Несколько тихих деревенских бабушек в темных аккуратных платочках, привезенных присматривать за внуками и так не привыкших к городской жизни, пара очень интеллигентных и кокетливых подружек, щеголяющих шляпками и перчатками – даже летом. Как в любом дворе, была своя тройка

скандалисток, которым всё было поводом для крика и «конца света».

Главной в этой компании была баба Дуся – высокая, крепкая старуха. С прямой спиной и крупными кистями рук и ступнями. Ходила она в шерстяной кофте, плотной юбке, платке в цветочек и закрытых домашних туфлях. С неизменной холщовой хозяйственной сумкой. Квартиру в этом доме когда-то дали ее покойному мужу – ветерану войны. Слепительному, аристократической внешности красавцу, который вернулся с войны с культей вместо правой руки. Баба Дуся в нем души не чаяла, ходила, как за младенцем и (все это точно знали) каждый вечер мыла ему ноги, стоя перед тазом на коленях. А когда он умер через десять лет – чуть руки на себя не наложила, сын спас. Никто точно не знал, но во дворе ходили слухи, что деревенская и работающая Евдокия женила на себе единственного профессорского сына после какой-то не очень красивой истории. А еще потому что влюбилась в него насмерть, когда приехала в город к матери, служившей у профессора домработницей.

– Чай известно нам, как такие дела делаются!... Обрюхатил девку, да напал не на ту. Вот и женился. Тут уж не отвертишься, сынок то – копия...

Старухи, сплоченные общей тайной, понимающе кивали головами на слова известной сплетницы бабы Тони.

Сын бабы Дуси был и правда полной копией отца. Высокий и темноглазый, с широким разворотом плеч и благород-

ной посадкой головы. Мать смотрела на него и каждый раз замирала от счастья и гордости. Его и звали как отца – Сережей, Сергей Сергеевичем. Он рано женился на милой, беленькой девушке, похожей на сдобную булочку и, вскоре, бабушке на выходные стали привозить внучку Наташу, удивительно получившуюся в отцовскую породу.

Каждый день баба Дуся с сумкой, полной гостинцев ехала на трамвае к Сереженьке и Наташеньке. Везла закрутки и горячие котлеты, помидоры и яблоки с рынка. Помогала. Но на самом деле она не могла прожить день, чтобы не увидеть сына. Возвращалась просветленная, с пустой, сдувшейся сумкой. А вечером выходила во двор – пообщаться. Она присматривала за всеми детьми во дворе, мимоходом кого-то посылая одеться потеплее, кого-то ругая за дырку на коленке. Сплетни выслушивала, но не поддерживала. Очень тонко подшучивала над подружками. И никогда не пускала в Сережину жизнь. Очень сдержанно и мимоходом говорила о событиях. Только не могла удержаться и каждый раз находила повод похвалить сына. За всё, за любую малость.

На бабу Дусю можно было надеяться в любой ситуации – встретит новый диван, примет посылку, купит молоко из пузатой желтой бочки на углу. Она была главной в этом дворцовом царстве и все это признавали. Дети подрастали и не появлялись во дворе, Ванька женился и получил квартиру при школе, где работал учителем, состав старух тоже менялся по-

тихоньку – умерших провожали всем двором и на их место на лавочках выходили новые. И только баба Дуся казалась вечной и неизменной. Подростшая Наташка приезжала по выходным мыть полы и по-прежнему увозила с собой полную холщовую сумку гостинцев.

Сын приезжал на своей машине забрать банки, которые баба Дуся крутила всю осень. Погрузневший и постаревший, не глядя на мать, совал банки в багажник. А она стояла рядом, смотрела в его обожаемое лицо и сияла от счастья.

Весной баба Дуся счастливо делилась с подружками новостью – Наташенька выходит замуж, жить будут у бабы Дуси – не вести же мужа в двушку к родителям. Она отдала молодым спальню, забрав оттуда только портрет мужа, а сама переехала в проходную комнату. Первый месяц даже помолодела, летала в магазин, жарила детям оладушки и варила борщи. Потом как-то присмирела и стала меньше ростом. Не рассказывала, но старухи прознали, что живется им вместе плохо, молодые очень ссорятся и Наташа в ссорах винит бабушку.

Баба Дуся стала дольше сидеть на лавочке, но выходить старалась поздно, когда все расходились по домам. Чтобы ни с кем не разговаривать. А однажды не выдержала и расплакалась соседке Кате. Рассказала, что молодые разводятся, потому что она, Дуся, отказалась оставить им квартиру и уехать в комнату в бараке, где раньше жил молодой муж с родителями.

Катя решила сама поговорить с Наташей при случае и он быстро представился – Наташа курила на лестнице в халате и бабушкиных неизменных домашних туфлях.

– Что же папа твой Евдокию Дмитриевну к себе не возьмет? Ведь она всю жизнь для него жила!

Наташка так удивилась, что стряхнула пепел себе на руку:

– А с чего он ее брать-то должен, она же ему не родная!

И поведала семейную историю. Евдокия действительно любила старшего Сергея так, что слышать больше ни о ком не хотела. А он ее не замечал – деревенскую девочку, дочку домработницы. Он крутил романы с самыми красивыми девочками своего круга. И докрутился. Был большой скандал, девочку срочно выдали замуж, как и планировали ранее, в другую страну. Родители девочки были очень влиятельными людьми, Сергею можно было забыть про карьеру. Её семья от ребенка отказалась сразу. Родители Сергея встали перед очень серьезным жизненным выбором: признать ребенка и всю жизнь его воспитывать как второго сына или отказаться от него тоже и дальше жить с этим решением.

Вот тут Евдокия в девятнадцать лет показала свой характер и силу – упала в ноги к его родителям с мольбой отдать ей малыша. Пораженные, они требовали объяснений. Она просто ответила, что любит Сергея всем сердцем. Знает, что ему не пара и хочет свою жизнь посвятить его ребенку. Назвать его в честь отца и любить как умеет. Потому что замуж за другого она не пойдет, так хоть часть Сережи будет с ней.

Неделю Сергей думал – не верил, что так бывает. Неделю не выходил из своей комнаты. Говорил с матерью. С отцом. Потом принял решение и сделал Евдокии предложение. И всю жизнь она жила ради своих Серёж – старшего и младшего. И счастлива была безмерно, и благодарила Бога каждый вечер за свою судьбу.

Сын случайно узнал, что она ему не родная. Уже когда был взрослый. Удивился.

.....А через неделю баба Дуся умерла. Просто утром не проснулась. Хоронили ее всем двором. Все взрослые дети из бывшей компании приехали. Поминки устроили прямо на улице, вынеся столы под раскидистую черемуху. Опустошив холодильники. Еще никогда и никого так не поминали. Рядом с портретом бабы Дуси поставили портрет ее мужа – только вместе!

Сын приехал, когда уже стали понемногу расходиться. За длинным и пустым столом, в сумерках остался только немолодой крупный мужчина, уронивший седую голову на руки. Он плакал, вдруг осознав потерю, и по-детски повторял: «Мама... мама...». И боялся поднять голову и перестать повторять. Потому что чувствовал, что мама как всегда рядом и гладит его, маленького, по голове.....

ВЕСНА

В начале мая есть несколько дней, которые и являются настоящей весной – той, которую воспевают поэты и художники. Надувшиеся почки вдруг одним моментом, к вечеру лопаются и становятся похожими на розовые бутоны. И всё вокруг начинает пахнуть – остро и головокружительно. И нет таких духов в мире, чтобы повторить эти запахи, с их одуряющим воздействием на живые организмы. Воробьи скачут по веткам, клюют эти бутоны почек и пьянеют на глазах. Начинают выводить трели не хуже соловьев. Ошалевшие кошки бредут по центру тротуара и обессиленно падают включенным боком на теплую, жирную землю, чуть тронутую первой щетиной травы. С реки тянет свежестью и недавним холодом, а из оврага – костром из лежалой прошлогодней травы.

А ночью на землю обрушивается первая майская гроза. Длинные, острые молнии бритвой вспарывают густую темноту, обещая страшные раскаты грома. А гром еще слаб после долгой зимы, как нераспевшийся баритон. Тягучие струи еще не вспомнили, как играть направлением дождя и падают часто и вертикально. Гроза! Их потом много будет – и громче, и сильнее, но такой – пахучей, такой утвердительно больше не будет. Это она окончательно и бесповоротно выпускает Весну и дает гарантию прихода Лета.

Земля опускает руки в большой фаянсовый таз с холодной, чистой водой и омывает опухшее, помятое сном лицо.

А рано утром промытое небо вдруг уходит куда-то вверх, переворачивается чашей к земле, а дном – к бесконечности. Выгибается как зонт на ветру. И вдруг обретает цвет. Синий, яркий – цвет «лазурь» в баночке красок у художника. С тонкими белыми нитями – прожилками облаков. И становится видно, как небо дышит. Спокойно и равномерно, вздымается и опускается грудью.

Вот они – березы. Сейчас их выход. Как новорожденные цыплята, покрытые нежным зеленым пухом, они подтягиваются, становятся ровнее и белее стволами. И их тела начинают светиться изнутри, лосниться, наливаясь соком. И пахнут, пахнут свежей, сочной зеленью, клеем крохотных резных листиков.

Тюльпаны выстреливают тугие острые бутоны. Они о себе заявляют цветом. Красками. Таких оттенков в природе еще нет и тюльпаны торжествуют свое великолепие и неповторимость. Нарциссы капризно раскидывают ломкие прозрачные ладони, оставляя в центре чашечку—губы: давай, целуй!.. Мать-и-мачеха веснушками обметала свежеоперившийся косогор.

Собака на утренней прогулке моментально заражается общим безумием природы, зарывает нос во влажную, души-

стую землю и впитывает в себя все эти соки, запахи и краски носом, всем телом, забывая о себе и хозяине и подчиняясь этому древнему зову природы.

Противиться невозможно. Противиться не хочется. Сердце начинает щемить от детской радости бытия, от счастья неизменного торжества жизни. Ведь именно тебе позволили прийти на эту Землю – своими глазами увидеть торжество Жизни. Огромный мир в эти дни раскрывает свои секреты и тайное могущество. И это опять случилось, и так будет всегда – жизнь и радость победят, и однажды ты проснешься и ощутишь себя в ладонях у Бога. И всё для тебя уже есть в этом мире —бери, пользуйся. Живи!

ДЮЙМОВОЧКА

Олег был везунчиком. Практически всегда. Его жизнь сложилась очень удачно, повезло с работой, с друзьями, а, главное — повезло с семьей. Они познакомились с Ниной сразу после школы и с тех пор не расставались. Даже суровый и сложный Валерий Михайлович принял невестку в семью, взял в свою мебельную компанию и вырастил из нее своего заместителя. Нина была умна, надежна и хорошо воспитана.

Сравнивая семьи друзей, Олег каждый раз убеждался в своем везении. Помимо общих интересов, двоих прекрасных дочек и одинаковых взглядов на жизнь, Нина очень привлекала его как женщина. Потому что любила его глубокой, страстной любовью. Все двадцать лет. Она умела дразнить и манить, и до сих пор у Олега темнело в глазах, когда она касалась его коленом под столом или задевала щеку волосами. Друзья погуливали от жен, а Олегу завидовали – редкие отношения, когда за столько лет одна женщина перевешивает все возможные искушения.

Они только что вернулись из отпуска, согреты южным горячим солнцем, терпким, густым вином и тихими вечерами вдвоем на террасе у моря. Еще не раздражала слякоть на улицах, пробки и обычные проблемы на работе. Еще не сошел южный загар и легкий взгляд на повседневность. Олег возвращался с работы, неспешно двигаясь в пробке. Серые, мо-

росающие сумерки за окном авто – этот мелкий дождь идет уже три дня без перерыва. Если включить в машине печку и хорошую музыку, то эта погода никак не влияет на настроение. Вот пешком сейчас плохо. Авто медленно продвигалось к автобусной остановке. В серых сумерках на остановке одиноко жалась к стене девушка – тоненькая и нахохлившаяся, как птичка. Лица почти не было видно, только по фигуре и плавным движениям понятно, что она очень молодая и нежная. Как неуютно и холодно, должно быть вот так одной стоять на остановке и бесконечно долго ждать. И с этой мыслью Олег проехал дальше.

Вечером была его очередь читать сказку перед сном младшей дочке. Дочь выбрала «Дюймовочку» и Олег в лицах и с чувством прочитал ее всю. Вдруг поймал себя на мысли о сегодняшней девушке на остановке – так, должно быть, выглядит Дюймовочка. Хрупко и одиноко. Мысль прилетела, как дымок, и так же легко ушла.

На следующий день, проезжая знакомым маршрутом, Олег вдруг вспомнил вчерашнюю девушку и почему-то стал ждать эту остановку. И подъезжая, издалека, он опять увидел одинокую маленькую фигурку. Не думая, свернул к остановке, повинувшись какому-то минутному непонятному чувству и открыл пассажирскую дверку:

– Садитесь скорее, вы заболете так стоять.

Он так уверенно и однозначно это сказал, что у девушки не возникло даже сомнения. Она торопливо села на предложенное место и как птица встряхнула мокрыми плечами. Олег секундно пожалел о своем спонтанном поступке – зачем? – но, взглянув в ее лицо, забыл о всех сожалениях. Тонкое, бледное лицо с грустными синими глазами. Дюймовочка! Как девочка из сказки. Девушка взмахнула мокрыми длинными ресницами и нежным высоким голосом поблагодарила Олега – автобусы здесь ходят редко, район незнакомый и она бы точно простудилась здесь сама. Возвращалась от больной подруги, второй день ей помогала. А живет она почти там, куда едет Олег – но можно ее высадить на любой остановке за мостом, оттуда добираться легче. Олег слушал и теплое смешанное чувство заполняло его душу. Конечно, довез до дома. Выходя, девушка коснулась хрупкими пальцами руки Олега:

– Спасибо вам.

От этого прикосновения почему-то стало жарко в груди. Удивляясь и не веря себе, Олег сказал, что завтра вечером он приедет к ее дому. Девушка ничего не ответила.

Всю дорогу Олег поражался себе, он привык понимать свои поступки. А здесь какое-то мальчишество. Глупости. Конечно, никуда он не поедет. Какой-то несчастный, замерзший воробей. Почти ровесница старшей дочери. Он выбросил все мысли о девушке из головы и с чистой совестью поехал домой. А утром, со звонком будильника, понял, что ве-

чером обязательно поедет к ее дому.

Не узнавая себя, приехал на час раньше, чем договорились и встал за углом, сомневаясь в своем решении. За полчаса до времени, она вышла из дома и встала на условленном месте. Минут десять Олег наблюдал, потом не выдержал.

Они поехали ужинать в уютный ресторан на окраине. Аля (так звали девушку) почти не разговаривала, но так слушала, внимательно и восторженно глядя синими глазами в лицо Олега. А Олега невозможно было остановить – он говорил и говорил, обо всем на свете. Он рассказал Але о себе всё, как давно знакомому человеку. И говорил, не умолкая всю дорогу до ее дома, и внизу в машине еще час.

И закружило Олега так, как кружило когда-то давно, двадцать лет назад, а он уже забыл. Какая-то юношеская влюбленность, невероятная нежность к хрупкой и молчаливой Дюймовочке. Она ничего не спрашивала, никогда не звонила сама и не приглашала его к себе. И никогда не перезванивала потом, если сразу не брала трубку. Идеальная женщина. Олег берег ее юность и наивность, но всё однозначно шло к близким отношениям. Олег решил показать ее самому лучшему другу Славе— похвалиться – взрослому и давно разведенному партнеру по бизнесу, и они провели чудесный вечер в гостях, с гитарой и теплым застольем. В этот вечер Олег решил, что пора отношения развивать дальше и сделать серьезный шаг.

На следующий день, в офисе, он сам завел разговор про Алю со Славой, ожидая от друга восхищенных слов. Но Слава, слегка замявшись, сказал, что девушка на него произвела странное впечатление и что за этой скромностью и наивностью что-то скрывается. Олег был так неприятно поражен, что сначала собрался поссориться с другом. Но потом решил, что это, скорее всего, зависть и забыл об этом разговоре.

Дома не могли не заметить перемены в состоянии Олега. Нина молчала – очень гордая. Жена не заслуживала обмана и Олег собирался с ней поговорить. Только нужно было найти подходящий момент. Он несколько раз прокручивал в голове этот разговор и был готов сразу после него уйти на съемную квартиру. Олег хотел рассказать о своем решении Але, но она уехала на несколько дней к сестре в другой город и не брала трубку. Он приготовился всё решить этим вечером, предупредил Нину о разговоре и отвез детей к матери.

Уже собрался уходить – в кабинет зашел Слава.

– Слушай, старик... возьми себя в руки. Я должен показать тебе очень важную вещь. Прежде чем ты сломаешь столько жизней.

У Олега нехорошо закололо под сердцем. Он налил себе воды, пока Слава включал компьютер. На экране – ярко раскрашенный сайт эскорт-услуг. Олега такие сайты не интере-

суют, зачем это? Среди «ночных бабочек» – знакомая тонкая фигурка и нежное лицо. Аля! Под ее фотографией – цена, параметры и «имя» – Дюймовочка.

– Что это? Откуда это? Это безумие какое-то...

Стакан хрустнул в руке и острая боль вернула уплывающую действительность. Кусок стакана глубоко вошел в середину ладони. Олег понял, что падает на стол, обливаясь кровью и теряя сознание — то ли от физической боли, то ли от душевной...

Дальше он плохо помнил, как обмотав руку полотенцем, Слава почти на себе стащил его в машину, как матерясь сквозь стиснутые зубы вез его в больницу и по пути рассказывал о своих подозрениях. О том, что навел справки и понял, почему Аля не любила рассказывать о себе, не приглашала домой и куда исчезала иногда, не беря трубки.

Руку зашивали, Олег и так был как во сне – еще вкололи наркоз. Все звуки слились в один ровный невнятный гул. Окружающая действительность расплылась, размазалась в одно разноцветное пятно. И в центре этого пятна вдруг в дверях возникла Нина. Он видел только ее лицо – похудевшее и измученное за эти недели. Глаза, в которых было столько боли. Понимания происходящего, невозможности изменить ситуацию и покорности его решению. Как она переживала этот его угар? Как старалась держать лицо и не пугать детей, как пыталась своим спокойствием и любовью удержать штурвал семейного самолета, неумолимо па-

дающего в пропасть? И как же ему повезло в этой жизни со штурманом этого самолета.

Иногда от крушения спасает только Чудо, посланное сверху ради одного пассажира этого самолета. Но спасающее всех.

Нина давно поняла, что их жизнь треснула по швам, как тесное платье. Она раньше уехала с работы, собрала вещи Олега и села в коридоре. Чтобы не допустить этого уни- зительного разговора о закончившейся любви. Просидела так достаточно долго, чувствуя необъяснимую нарастающую тревогу в груди. Женщина знала это чувство, однажды она бежала, задыхаясь, по горячему песку к океану. А Олег ле- жал на песке, без сознания. Спасатель успел вовремя – слиш- ком большая волна, слишком много камней. Нина знала, что пока она рядом – с ним ничего не случится. И вот опять эта тревога... Повинуясь животному стремлению она выскочила из дома и побежала в сторону его работы, мало отдавая себе отчет в своих действиях. На полпути позвонил Слава и тре- вога обрела реальную почву, вместе с пониманием дальней- ших действий. Такси, больница. Вот он, бледный и испуган- ный, в окровавленных бинтах, с черными от боли глазами. И все переживания ушли сразу, как смыло водой. Той, дав- ней соленой водой океана. И она знала, что пока она рядом с ним ничего не может случиться. И она будет рядом. В го- ре и в радости, пока смерть не разлучит – это же клятва...

И даже смерть не разлучит – Любовь сильнее смерти...

СЕРЬГИ

Вдруг увидела эти серьги прямо перед собой, так ярко, как будто наяву. Крупные, чистые камни – горный хрусталь хорошей огранки- неровно-округлые, в простой, без изысков серебряной оправе. Такой камень не терпит дополнительной нагрузки. Они вспыхивают веселыми искрами разных цветов при каждом движении головы. Ой, как хочу.... Муж всегда старается идти навстречу моим женским желаниям и некоторая сумма откладывается в особое отделение кошелька.

Несколько месяцев я при каждом удобном случае захожу в ювелирный – таких серёг нет. Искать легко, когда точно знаешь, что тебе нужно – главное, не обманывать себя и не соглашаться что-то похожее, ну пусть не такой чистоты... такого размера... такого цвета...

Жизнь идет каждый день, своим чередом, с бытовыми проблемами и тратами. Отложенная сумма уходит на что-то другое, важное – ведь всё равно таких серег нет, когда-нибудь потом...

Я выхожу с рынка с чувством удовлетворения – всё, что хотела, плотно уложено в два пакета. На выходе стоит маленькая старушка. Стесняется. Есть такие тихие и всегда робкие старушки, мимо которых невозможно просто прой-

ти. В ведерке из-под майонеза у нее буйство весенних красок — вся цветочная радость, любовно выращенная маленькими морщинистыми руками около дома.

— Дочка, смотри какие тюльпаны, я недорого отдаю! Сил стоять нету...

У меня в груди начинает раскручиваться горячая тугая пружина, пока не лопается. Какое счастье, что у меня осталась только крупная купюра из тех, что были отложены на серьги!!

— Давайте мне все, какие цветы у вас красивые!

Быстро сую купюру в карман застиранной теплой кофты, пока старушка бережно оборачивает мокрые стебли газетой плохо гнущимися пальцами.

— Вот спасибо тебе, милая, как ты меня выручила! Я ведь дешевле всех отдаю, только бы взяли...

Пока подбираю с земли пакеты, она успевает достать и рассмотреть купюру. Ее лицо гаснет и она расстраивается:

— А сдачи-то нету у меня... это же никто и не разменяет..

Стараюсь говорить ровно, пытаюсь протолкнуть ком, застрявший в горле:

— А никакой сдачи и не нужно, вам за цветы спасибо и за радость — вы очень похожи на мою бабушку, а я ее так любила... люблю..

В ней борется столько чувств одновременно — нет, нельзя, я не привыкла.. Она с тревогой снизу заглядывает мне в глаза и вдруг понимает, как мне важно, чтобы она сейчас

взяла эти деньги...

Старушка осторожно берет меня за руку и говорит с чувством, так, как если бы говорила моя бабушка, спустившаяся с неба на землю:

– Храни тебя Бог, доченька, и близких твоих. Будь счастлива!

В машине я реву и долго не могу успокоиться. А потом чувствую необыкновенное облегчение и обычные проблемы кажутся пустыми и решаются сами по себе.

На следующий день я жду подругу. Та опаздывает, от скуки я захожу в ближайший магазин, в котором оказывается ювелирный отдел. Не верю своим глазам – передо мной лежат серьги моей мечты. Беру в руки – мои! Меряю и понимаю, что сидят они идеально. Но сумма на моей карте меньше, чем они стоят, да и эти деньги предназначены совсем для другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.